

К. Григоров

ОБНОВЛЕНИЕ
ИЛИ
КРИЗИС

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВОЛЮЦИИ

К. Григоров

■

ОБНОВЛЕНИЕ ИЛИ КРИЗИС

Социологические и социально-политические
аспекты
современной буржуазной политэкономии

Перевод с болгарского
В. И. КАРЦЕВА

Общая редакция и предисловие
И. М. ОСАДЧЕЙ

Москва
«Прогресс»
1982

Редактор *Радынова О. Г.*

Григоров К.

Обновление или кризис. Пер. с болг.— М., «Прогресс», 1982 — 12 л.— София, 1979.

В книге с марксистско-ленинских позиций критически рассматривается новый важный аспект развития буржуазной политической экономики в 70-х годах XX в. — процесс ее социологизации. Автор анализирует попытки Ф. Перру распространить социальную философию на современное экономическое развитие, структурализм и экономический романтизм Э. Тейяка, социологические концепции в применении к анализу экономических проблем Ж. Вейера, социально-политические аспекты неокейнсианства и др. Усиление социологизации буржуазной политической экономики автор рассматривает как одно из проявлений кризиса ортодоксальной экономической теории. Книга рассчитана на специалистов.

ИБ № 10132

Мл. редактор *Г. В. Иорданская*. Художник *В. В. Кулешов*. Художественный редактор *В. А. Пузанков*. Технические редакторы *И. А. Юдина*, *С. Л. Рябинина*, *Т. К. Купцова*. Корректор *С. А. Галкина*. Сдано в набор 05.04.82. Подписано в печать 17.08.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,75. Тираж 3500 экз. Заказ №86. Цена 75 к. Изд. № 33783. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Zubovskiy bul'var, 17. Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения „Техническая книга“ им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л1-52, Измайловский проспект, 29

Редакция литературы по экономике

© Кирил Григоров, 1979. с/0

© Перевод на русский язык с сокращениями, предисловие, издательство «Прогресс», 1982

Г 10702-790
006 (01)-82 55-82

0603010300

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Буржуазная политэкономия 70-х годов: и кризис, и «обновление»	5
Введение	17
<i>Глава I.</i> Философско-социологические спекуляции . . .	26
1. Социальная философия современного экономического развития. Франсуа Перру	26
2. От структурализма к своеобразному экономическому романтизму. Эрнест Тейяк . . .	39
3. Социологические аспекты экономической теории. Жан Вейер, Ги Депюигрене-Десруси	55
<i>Глава II.</i> Социально-политические аспекты неокейнсианства	66
1. Концепция функциональных финансов. Абба Лернер	66
2. Концепция социального контроля над экономикой. Джузеппе ди Нарди	71
<i>Глава III.</i> Социально-политические аспекты эконометрики. Ян Тинберген	84
<i>Глава IV.</i> Теоретическая основа социал-реформизма левых кейнсианцев. Джоан Робинсон и Джон Итуэл	99
<i>Глава V.</i> Социал-радикализм в общей экономической теории. Жак Атали и Марк Гийом	129
<i>Глава VI.</i> Буржуазный реформизм о природе и перспективах современного капитализма	152
1. Новый вариант теории «индустриального общества». Дж. К. Гэлбрейт	152
2. Критика официальной экономической науки	158
3. Планирующая система и техноструктура . . .	160
4. Государство и планирующая система . . .	166
5. Нестабильность и две системы	169
6. Общая теория реформы	176
<i>Глава VII.</i> Радикализм Альфреда Сови	186
Вместо заключения	202
Именной указатель	204
Предметный указатель	206

ПРЕДИСЛОВИЕ

БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ

70-х ГОДОВ:

И КРИЗИС, И «ОБНОВЛЕНИЕ»

Любое десятилетие в развитии капитализма имеет свой специфический, неповторимый облик. Своеобразной оказывается и динамика идей и представлений класса буржуазии в области экономической теории, несмотря на объективно predetermined историческую преемственность этих идей, несмотря на неспособность буржуазных идеологов разработать кардинально новые подходы к оценке особенностей функционирования капиталистической экономики.

Роль и значение эволюции буржуазной политической экономики в 70-е годы следует оценивать прежде всего с точки зрения того кризиса данной научной дисциплины, который столь резко проявился в истекшем десятилетии.

Как известно, наибольшим вниманием в этот период пользовались теоретические конструкции так называемого «неоклассического синтеза», сформировавшегося на основе своеобразного соединения кейнсианской и неоклассической теорий. Возведенные в ранг ортодоксального учения, или «ортодоксии», подобные конструкции были призваны дать наиболее приемлемое для современного состояния капитализма объяснение механизма функционирования капиталистической

экономики, вскрыть существо процессов производства, а также происхождения и распределения доходов и, что самое главное, выявить причины циклических колебаний капиталистической экономики в современных условиях. Подобный «позитивный» анализ в соответствии с канонами буржуазной экономической науки использовался в качестве основы для разработки «нормативных» рецептов регулирования хозяйственных процессов, ориентированных на достижение стабильного роста, без кризисов и инфляции.

В условиях экономического подъема 60-х годов и сравнительно умеренной инфляции эта система буржуазной политической экономии более или менее успешно справлялась и с идеологическими задачами оправдания государственно-монополистического капитализма, и с практическими функциями, обосновывая экономическую политику правящих партий в соответствии с принципами либерально-буржуазного реформизма.

Кризис государственно-монополистического регулирования, вызванный резким обострением противоречий воспроизводства в 70-х годах, усилением и превращением инфляции в хронический процесс, вызвал и кризис буржуазной политэкономии. Кризис проявился в острой критике ортодоксальной экономико-теоретической системы — «неоклассического синтеза», в поисках новых теорий, объясняющих работу экономического механизма, и рецептов его регулирования. Весь клубок дискуссий, вызванных этим кризисом, закрутился вокруг центрального вопроса: эффективность государственного вмешательства, его цели, масштабы, формы.

Кризис буржуазно-либерального реформизма, определявшего существо системы государственно-монополистического регулирования, поставил перед всеми политическими силами буржуазного общества острый вопрос: какими путями справиться с трудностями, как дальше развиваться капитализму? И не случайно, что в обстановке усилившегося разброда эти ответы оказались разными не только со стороны противоположных классовых сил — рабочего класса и буржуазии, но и внутри самой буржуазии, что отразилось и в буржуазной экономической мысли. Спектр буржуазных представлений о путях и возможностях реформы капиталистического общества как бы раздвинулся: «ослабление

центра» произошло за счет усиления радикального и консервативного крыла буржуазной политической экономики. Именно эта поляризация точек зрения, идейная и теоретическая дифференциация, усиливаемая к тому же и национальными особенностями отдельных стран, является наиболее важной чертой современного развития буржуазной экономической мысли Запада.

В этой картине, полной противоречивых явлений и процессов, все же можно выделить некоторые наиболее важные и общие черты.

Прежде всего следовало бы отметить процесс нарастания консервативных тенденций в идеологии и в политике, усиление консервативного крыла буржуазной политической экономики, особенно в таких странах, как Англия и США, где на этой волне консерватизма к власти в начале 80-х годов пришли консервативные правительства. Определенное нарастание консервативных тенденций в 70-х годах имело место и во Франции, где выдвинулась группа экономистов так называемой «новой экономической школы», которая обосновала существенную перестройку французского планирования, в результате чего многие прямые формы государственного вмешательства были заменены рыночным и частномонополистическим регулированием. Однако позиции этой школы настолько противоречили общим тенденциям в развитии французского общества, что консерватизму не удалось пустить здесь глубокие корни. Зато в Англии и особенно в США консервативная идеология нашла благоприятную социально-политическую основу, вызвав резкое усиление консервативного крыла буржуазной политической экономики в форме новой волны «неоклассического возрождения».

В чем же проявляются эти консервативные тенденции, если говорить об экономической теории и политике? Прежде всего в резкой критике государства и государственного вмешательства в экономику, ностальгии по капитализму свободной конкуренции, идеализации и приукрашиванию его необыкновенной «гибкости».

Критика государства и государственного вмешательства сопровождалась усилением реакционных выступлений и против прежних целей экономической политики, провозглашенных кейнсианством. Под обстрел попало само понятие «полная занятость». Хотя и

в прошлом оно отличалось неопределенностью (в США, например, под «полной занятостью» подразумевалось и 3%, и 4%, а ныне — свыше 5% безработных), в наши дни предпринимаются попытки подменить его концепцией «естественного уровня безработицы» и отказать от достижения «полной занятости» в качестве цели экономической политики.

Существенной переоценке подверглись прежние методы регулирования, ориентированные — согласно кейнсианской концепции — на управление совокупным спросом (*demand-management policy*). В этом управлении решающая роль всегда отводилась бюджету и бюджетной политике, т. е. использованию государственных расходов и налогов в качестве инструмента антициклического регулирования и стимулирования экономического роста. Для достижения желаемого эффекта — т. е. содействия оживлению или сдерживанию экономической конъюнктуры — мероприятия в рамках этой политики должны были точно и быстро реагировать на смену конъюнктуры. Увеличение государственных расходов или снижение налогов должно было точно приходиться на период спада, и, наоборот, сокращение государственных затрат и повышение налогов следовало начинать с поворотом к подъему. Вот почему фискальная политика получила название «политика точной настройки» (*fine tuning*). На практике реализация подобной политики оказалась делом трудным — и вследствие недостатка информации, неопределенности, несовершенства краткосрочного прогнозирования, и в результате бюрократических проволочек, требующих времени для принятия тех или иных решений в государственных органах, и главным образом в силу имманентной стихийности капиталистической экономики.

В итоге фискальная политика нередко превращалась в дестабилизирующий фактор экономики, а непрерывный рост бюджетных дефицитов — в источник инфляционных тенденций. Дискредитация бюджетной политики в качестве инструмента антикризисного и антиинфляционного регулирования в немалой степени способствовала росту популярности монетаризма — как в теории, так и в экономической политике.

Упадок престижа кейнсианства и Кейнса привел к тому, что в качестве ведущих идеологов, «отцов-основа-

телей» буржуазной политэкономии, вновь стали выдвигаться имена апологетов экономики свободного предпринимательства (к тому же и ярых противников социализма) — таких, как фон Мизес, Ф. Хайек, основатели Чикагской школы Ф. Найт и Г. Саймонс и даже И. Шумпетер. Американский экономист А. Бернс, занимавший видные посты в правительственном аппарате, включая пост председателя Федеральной резервной системы, так сформулировал кредо консервативной экономической теории и политики: сбалансированный бюджет, ограничение социальных программ, сокращение корпоративных налогов, увеличение прибыли корпораций, усиление рыночной конкуренции, ослабление экономических стандартов, усиление позиций корпораций.

В качестве теоретической платформы современного консерватизма в экономической печати Запада, прежде всего США, пишут о так называемой «экономике предложения» (*supply-side economics*), противопоставляя ее кейнсианской экономической теории и политике, ориентированной на спрос (*demand-side economics*). За всей этой игрой слов скрывается выдвижение на первый план неоклассической школы со всем арсеналом ее старых, новых и обновленных теорий, поскольку неоклассическая школа всегда делала упор на анализ предложения, оптимального использования ресурсов в производстве, подчеркивала значение сбережений и бережливости, рыночного механизма и конкуренции.

«Неоклассическое возрождение» — не новое явление в истории буржуазной экономической мысли. Его первая волна приходится на конец 50-х — начало 60-х годов, когда казалось, что кейнсианство одержало полную победу на макроэкономическом фронте, заключив союз с неоклассикой в форме «неоклассического синтеза». Тогда эта волна выбросила на берега экономической мысли неоклассическую теорию роста и монетарную теорию национального дохода (положившую начало развитию монетаризма). Постепенное возвышение монетаризма вместе с его лидером М. Фридманом (монетаризм и «фридманизм» стали синонимами) привело в конце концов к довольно разработанной теоретической системе, альтернативной системе взглядов, изложенных в «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса.

Таким образом, начавшееся еще в 60-х годах «неоклассическое возрождение» подспудно подготовило теоретическую замену кейнсианству. Нужны были бурные экономические потрясения 70-х годов, вызвавшие кризис кейнсианства, с одной стороны, разочарование в государственном вмешательстве и усиление консервативной идеологии — с другой, чтобы освободившийся пьедестал официальной ортодоксии смогли занять наследники неоклассической школы с ее «экономикой предложения», монетаризмом и другими концепциями, предписывающими существенное свертывание государственного вмешательства в экономику, ограничение перераспределительной роли государственного бюджета, оживление рыночных механизмов и т. п.

Именно эти неоклассические теории оказали решающее влияние на официальную концепцию регулирования в таких развитых капиталистических странах, как США и Англия: монетаризм стал знаменем экономической политики Тэтчер, а «экономика предложения» в союзе с монетаризмом — это два штандарта, с которыми выступила в поход за «оздоровление» экономики США администрация Рейгана.

Однако, как мы уже писали выше, консерватизм отнюдь не определяет всего спектра идейных процессов, характеризующих развитие экономической мысли Запада, в том числе США и Англии. В течение 70-х годов нарастали и противоположные ему тенденции, формировавшие реформистское крыло буржуазной политэкономии, в особенности крайние линии его спектра либерального и радикального, социал-демократического толка. Теоретические и политические просчеты ортодоксального кейнсианства, оказавшиеся столь питательной почвой для «неоклассического возрождения», вызвали и противоположный процесс. Они стимулировали стремление к пересмотру и «обновлению» самой кейнсианской теории. «Новые» кейнсианцы, объявив ортодоксальное кейнсианство, игнорировавшее проблемы инфляции и неопределенности, «незаконнорожденным детищем» теории Кейнса, стремятся реконструировать эту теоретическую систему с учетом новых потребностей развития теории и практики экономического регулирования. Такие американские экономисты, как А. Лейонхвуд, Р. Клауэр, П. Давидсон, С. Вайнтрауб,

выступили с резкой критикой ортодоксальной модели кейнсианства, искажившей, по их мнению, подлинную сущность теории Кейнса, за подновление, исправление кейнсианской теории. В основе всех этих модернизаций лежит, как правило, возрождение и усиление *денежных аспектов* кейнсианской теории — с тем чтобы приспособить ее к анализу и регулированию инфляционных ситуаций. Они подчеркивают также фактор неопределенности и несовершенства информации, считая его определяющей чертой капиталистической системы хозяйства, которую Кейнс особо выделял в своей работе.

Одновременно на гребне этой волны критицизма, всеобщего разочарования в ортодоксальной экономической теории, поиска новых авторитетов, радикализации политической экономии большое внимание стали привлекать работы экономистов Кембриджской школы (Англия) — Дж. Робинсон, Н. Калдора, Л. Пазинетти, которые еще в 60-х годах отклонились от ортодоксальной версии кейнсианства и выступили с целым рядом теоретических нововведений.

В свое время работы Дж. Робинсон и ее последователей получили оценку в советской экономической литературе как «левое» кейнсианство. «Левые» кейнсианцы исходили из демократической трактовки кейнсианской теории, связывая проблему эффективного спроса с осуществлением целого ряда социальных реформ, с ограничением интересов крупного монополистического капитала, выступая против военных расходов и т. п.

На базе этих двух потоков — возникшего в США течения за обновление кейнсианства и давно уже существовавшего в Англии «левого» кейнсианства — в 70-х годах начало активно формироваться новое направление в буржуазной экономической мысли, которое называет себя *посткейнсианством* и по своим идейным позициям представляет радикальное крыло буржуазной политической экономии.

Посткейнсианцы считают, что именно они призваны окончательно ниспровергнуть неоклассическую ортодоксию, довести до конца «кейнсианскую революцию», начатую Кейнсом, и что лишь они являются подлинными наследниками его теории. Противопоставляя свою теоретическую систему неоклассической ортодоксии и традиционному кейнсианству, посткейнсианцы

стремятся построить более реалистическую теорию. Это неизбежно толкает их к максимально возможному в рамках буржуазной политэкономии реализму в оценках капиталистической экономики. Однако этот реализм в конечном счете ограничен рамками реформистских предложений по «совершенствованию» капитализма.

Посткейнсианцы выступают с реформистской программой, направленной на существенное расширение и «обновление» государственного вмешательства в экономику на основе планирования и проведения эффективной политики доходов. Отражая целый ряд реальных требований, обусловленных дальнейшим ростом производительных сил в современных условиях, они тем не менее не выдвигают никаких пожеланий, выходящих за рамки капиталистического способа производства, и предлагают лишь методы его «улучшения» на основе дальнейшего расширения государственного руководства экономическими процессами.

Формирование посткейнсианства тесно связано с возрождением, обновлением и усилением социально-институционального направления буржуазной политэкономии, которое в эпоху господства «неоклассического синтеза» было вытеснено на «периферию» буржуазной экономической мысли. Будучи источником множества либерально-, а зачастую и радикально-реформистских идей, обладая методологией, которая в отличие от кейнсианства и неоклассики позволяла вовлечь в орбиту экономического анализа реально существующие экономические, социальные и политические институты, это направление буржуазной экономической мысли неожиданно обрело вторую молодость. Немалую роль в этом сыграла бурная энергия и литературный дар его лидера Д. Гэлбрейта, многочисленные книги которого, посвященные животрепещущим проблемам развития не только капитализма в США, но и мира в целом, привлекли всеобщее внимание.

Примечательной чертой развития реформистских течений буржуазной политэкономии является их растущая социологизация и политизация, противопоставляемые плоскому формализму экономической ортодоксии, десятилетиями внедрявшемуся в экономическую теорию неоклассической школой. Господство неоклассической методологии способствовало увлечению формаль-

но-логическим анализом. Отталкиваясь зачастую не от реальной действительности, а от формальной логики и математики, неоклассики превратили целые области экономического анализа (теорию равновесия, оптимального роста, благосостояния) в такую надстройку, которая оказалась совершенно оторванной от реальной действительности, абсолютно ничего в ней не объясняющую и ни на какие практические выводы не пригодную. Моделирование во многих случаях стало самоцелью, «искусством для искусства», что также усиливало разочарование со стороны многих представителей буржуазной и радикальной политэкономии. По словам Дж. Робинсон, благодаря такому направлению развития экономическая теория превратилась в простой «набор инструментов» для анализа (*instrumental box*), который не позволяет рассматривать все сложности и противоречия развития современных экономических систем. Реакцией на этот формализм неоклассики, на порожденное ею «искусство для искусства» и является эта усиливающаяся волна социологизации.

Именно последняя и привлекла внимание автора настоящей книги. Проф. Кирилл Йордан Григоров (1909—1980) — видный болгарский ученый, автор ряда работ по истории экономической мысли и критики буржуазных экономических теорий, лауреат премии им. Г. Димитрова, народный деятель науки. Книга «Обновление или кризис» — последняя работа автора. Не претендуя на систематическое изложение тех или иных теорий, автор в живой, очерковой форме стремится показать, что социально-экономические проблемы все настойчивее проникают в поле зрения неамериканских экономистов, что сама постановка этих социально-экономических проблем является источником растущего разочарования и критики капиталистической системы, размышлений — нередко утопических — о реформах и преобразованиях этой системы, что некоторые из этих экономистов все чаще обращаются к марксизму в поисках ответа на сложные проблемы современности.

Не случайно в центре внимания автора оказались теории французских экономистов, среди которых социологическое направление занимает ведущие позиции и оказывает все более растущее влияние. Направление это неоднородно и не является чем-то оформлен-

ным. Его сторонников объединяет главным образом общность методологии. «Представители социологического направления, — пишет советский исследователь французской экономической мысли А. Кудрявцев, — исходят из посылки о том, что для понимания экономического механизма важно учесть все элементы общественной жизни, окружающей среды и человеческой природы, которые имеют отношение к воспроизводству материального продукта и нематериальных услуг, служащих основой воспроизводства человека и общественных институтов» *.

Представители этого направления сыграли важную роль в обосновании дирижизма и той специфической формы индикативного планирования, которая сделала Францию объектом изучения и подражания других капиталистических стран. К этому направлению примыкает и целый ряд экономистов с социал-демократической идеологией, выступающих с критикой капитализма и проектами его радикального реформирования.

Новый материал, новые имена — главное достоинство книги. Автор анализирует попытки Франсуа Перру — патриарха социологического направления Франции — распространить социальную философию на современное экономическое развитие; структурализм и экономический романтизм известного французского философа и социолога Эрнеста Тейяка; социологические концепции в применении к анализу экономических проблем профессора Парижского университета, специалиста по истории экономической мысли и международным отношениям Жана Вейера и его ученика и соратника Ги Дешюигрене-Десруси; леворадикальные взгляды профессора Политехнической школы, эксперта социалистической партии Жака Атали и радикальные концепции известного экономиста, статистика и демографа А. Сови.

Ряд очерков посвящен и отдельным представителям англо-американской школы. Ракурс здесь тот же: автор стремится показать проникновение социально-политических идей в традиционные направления буржуазной политэкономии. (Реформизм А. Лернера, попытки ввес-

* Критика современной буржуазной политэкономии. М., 1977, с. 364.

ти социально-политические параметры в эконометрические работы Яна Тинбергена, социал-реформистские аспекты «левого» кейнсианства в работах Дж. Робинсон и Д. Итуэла). Автор знакомит читателя и с концепцией социального контроля над экономикой итальянского экономиста Джузеппе ди Нарди.

«Обновление» буржуазной политэкономии на основе усиления ее социологизации автор справедливо рассматривает как одно из проявлений кризиса ортодоксальной экономической теории. «Эти социально-политические аспекты нужны буржуазной экономической науке как для борьбы против развивающейся марксистско-ленинской теории, так и в целях непосредственного использования теоретических исследований в интересах хозяйственной и социальной политики буржуазного государства для придания ей большей научной ориентации. В этом заключается специфика процессов возрождения, ведущих свое начало от старого институционализма... французского социализма... «новой» немецкой исторической школы», — пишет проф. К. Григоров. (с. 18, 19).

Автор далек от того, чтобы упрощать процессы, связанные с социологизацией буржуазной экономической мысли, неизбежно порождающей глубокую дифференциацию взглядов различных ее представителей в отношении природы капиталистической системы и ее будущего. В работе доказывается, что наряду с апологетикой монополистического капитализма у ряда авторов проявляется интерес к некоторым положениям, характерным для прогрессивной экономической мысли и политики. Критикуя отдельные новые течения радикального толка, автор в то же время показывает и содержащиеся в них положительные моменты с точки зрения критической оценки современного капиталистического развития.

К. Григоров неоднократно подчеркивает необходимость дифференцированного подхода при критике буржуазных экономистов, находящихся в плену буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Не допуская компромиссов гносеологического и идеологического плана при трактовке взглядов различных представителей неоклассических и институционалистских течений, марксистская критика, по его словам, «должна отделять зер-

на пшеницы (порой способные внести свою лепту в антимонаполистическую демократическую альтернативу) от гносеологических и идеологических плевел, не изменяя при этом коммунистической партийности, базирующейся на строго научной марксистской основе» (с. 19). Он отмечает, что в работах авторов, чьи теории подвергнуты марксистско-ленинской оценке, следует выделять различные идеологические и гносеологические оттенки и цвета, присущие им в рамках буржуазной и мелкобуржуазной политэкономии. Многие из них в большей или меньшей степени выражают сомнение в абсолютной ценности и стабильности капиталистического строя и буржуазной экономической теории.

Взгляды некоторых наиболее реалистически мыслящих из рассматриваемых К. Григоровым представителей западной экономической мысли в какой-то степени тяготеют к марксистским представлениям и оценкам. Именно поэтому дифференцированный критический анализ их позиций, излагаемый в настоящей работе, несомненно, заслуживает внимания. Подобный анализ может послужить исходной основой для дальнейшего углубленного и аргументированного критического разбора позиций рассматриваемых авторов.

Все это дает основание сделать вывод, что книга К. Григорова будет с интересом встречена советским читателем.

И. Осадчая